

MANGI EI

#6 (14) 11-12 20

Халықаралық ғылыми-көпшілік тарихи журналы

Международный научно-популярный исторический журнал

International popular scientific historical journal

МАЗМҰНЫ • CONTENT

РЕДАКТОР ПАЙЫМЫ / СЛОВО РЕДАКТОРА / EDITOR IN CHIEF'S WORD

- 4-7 Е. Сыдықов. Тарих үшін де, тарихшылар үшін де тағылымды жыл
Е. Сыдықов. Год для истории и историков
Ye. Sydykov. Significant year for history and historians

- 8-9 «Жасампаз» ресейлік журналистер көзімен «Созидатель» глазами российских журналистов.
“Creator” through Russian journalists’ eyes

- 10-17 Ю. Батулин. Ғарыш кеңістігіндегі адам
Ю. Батулин. Человек, соразмерный космосу
Yu. Baturin. A Human commensurate to the Space

ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫ – 550 / КАЗАХСКОМУ ХАНСТВУ - 550 / KAZAKH STATEHOOD IS 550 YEARS OLD

- 20-29 Б. Көмеков. Қазақ мемлекеттілігінің тарихы
Қазақ хандығы
Б. Көмеков. Казахское ханство в системе казахской государственности
B. Kumekov. Kazakh khanate in the mirror of Kazakh state system
- 30-33 С. Қолдыбаев. Қазақ мемлекеті. Философ көзқарасы
С. Колдыбаев. Казахское государство. Взгляд философа
S. Koldybayev. Philosopher’s view on Kazakh state
- 34-39 А. Әбсадықов. «Жеті жарғы» және қазақтардың тұңғыш Құрылтайы
А. Абсадықов. От первого курултая казахов к своду «Семь правил»
A. Absadykov. From first Kazakh kurultay to code of laws “The seven Rules”

БІР ХАЛЫҚ. БІР ЕЛ. БІР ТАҒДЫР / ОДИН НАРОД. ОДНА СТРАНА. ОДНА СУДЬБА / ONE NATION. ONE COUNTRY. ONE DESTINY

- 42-47 М. Кемел. Тәуелсіздік және Президент
М. Кемел. Независимость и Президент
M. Kemel. Independence and President
- 48-58 А. Оловинцов. Тұрақтылық: өмір сүру үрдісі
А. Оловинцов. Учиться жить в согласии
A. Olovintsov. Learning to live in accord

ТАРИХ ТОЛҚЫНЫНДА / В ПОТОКЕ ИСТОРИИ / IN THE STREAM OF HISTORY

- 62-67 А. Ауанасова. Қазақстан геральдикасы.
Мыңжылдықтар мақтанышы
А. Ауанасова. Геральдика Казахстана. Гордость тысячелетий
A. Auanasovva. Heraldry of Kazakhstan. Pride of millennia

- 68-75 А. Досымбаева. Түркі археологиясы: сақтау және көбейту
А. Досымбаева. Тюркская археология. Сохранив, приумножить.
A. Dossymbayeva. Turkic archaeology.
Enrichment through preservation

АТЫ АҢЫЗҒА АЙНАЛҒАН / ЛЕГЕНДАРНЫЕ И НЕПОВТОРИМЫЕ / LEGENDARY AND UNIQUE

- 78-85 Сүйімбике – Қазан хандығының билеушісі
Сююмбике - правительница Казанского ханства
Sujumbike – Ruler of the Khanate of Kazan

ОТАҢДАСТАР / СООТЕЧЕСТВЕННИКИ / COMPATRIOTS

- 88-97 Б. Оспан. Шәмші туралы сыр
Б. Оспан. Гимн песне Шамши
B. Ospan. Hymn to Shamshi’s song

ЖУСАН/ ДЖУСАН /ZHUSSAN

- 100-107 А. Симонов. Айтылмағал қалған әңгіме
А. Симонов. Недосказанное. К отцу.
A. Simonov. Things left unsaid

МЕН ЖАНБАСАМ.../ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ БЫТЬ / IN ORDER TO BE

- 110-115 С. Ахмет. Отырар өркениеті.
С. Ахмет. Цивилизация Отырар.
S. Akhmet. Civilization of Otyrar
- 116-121 К. Қазкенов. Болашақта бізді не күтеді...
К. Казкенов. В грядущем нас ожидающее...
K. Kazkenov. In the near future...

АШАРШЫЛЫҚ

- 124-133 В. Поляков. Қазақстан делегаттарының тағдырын «талқандаған» съезд
В. Поляков. Съезд «расстрелянных» сквозь судьбы делегатов Казахстана
V. Polyakov. Congress of the executed through fates of the delegates from Kazakhstan

ҰЛЫ ЖЕҢІСТІҢ ЖЕМІСІ / ЦЕНА ПОБЕДЫ / THE PRICE OF VICTORY

- 136-141 С. Қирабаев. Мәлік Ғабдуллин.
С. Қирабаев. Малик Габдуллин
S. Kirabayev. Malik Gabdullin
- 142-148 О. Таран. Әскери-инженерлік жасақтың хроникасы
О. Таран. Казбат. Хроника инженерно-саперного отряда.
O. Taran. Kazbat. Chronicle of the field engineer battalion

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЗГЛЯД ФИЛОСОФА

Сафар КОЛДЫБАЕВ

*доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
Костанайского государственного университета
имени А.Байтурсынова, РК*

В последнее время вопрос о возникновении казахского государства становится предметом не столько ученых, сколько политиков. Но политики на то и политики, и в такого рода высказываниях превалирующими являются политические интересы, которые не всегда совпадают с научными.

К сожалению, и ученые, как известно, также не пришли к однозначному мнению о существовании государства в истории казахов до получения государственно-политической самостоятельности. Проблема здесь, в сущности, сводится к тому, было ли государство в кочевой истории казахов. На этот счет, в принципе, существует несколько мнений ученых.

Первая позиция ученых состоит в отрицании вообще возможности существования государства в условиях кочевого общества, а, следовательно, и отсутствия его в истории казахов.

У истоков концептуального взгляда, отрицающего наличие кочевого государства стояли основоположники немецкой классической философии Иммануил Кант и Фридрих Гегель. Кант усматривал истоки государственности у кочевников в конфликте между кочевниками (номадами) и землевладельцами (оседлыми группами). А Гегель, относя номадов ко второй доисторической стадии развития кочевничества, считал, что кочевники не дозрели до стадии образования государственности. Таким образом, они, абсолютизируя возникновение цивилизации и развития государственности в Европе, обосновали возможность завоевания и упорядочения «цивилизированной Европой над дикой Азией».

Подобное европоцентристское восприятие прошлого номадов Евразии наглядно продемонстрировано и в трудах Дж. А. Тойнби, других западных ученых. Некое научное обоснование данное мнение получило и в советской марксистской историографии, отказывавшей кочевникам в способности достигнуть уровня государственной организации, объясняя это отсутствием классов и частной собственности на землю. А раз этого не было, то не могло быть и государства. Данные концептуальные представления на протяжении двух столетий преобладают в широком общественном сознании. Анало-

гичные явления присутствуют в нашей казахстанской историографии и по сей день. Вторая позиция исследователей исходит из того, что в кочевом периоде в определенный исторический период возникают те или иные органы власти и управления, свидетельствующие о возникновении государственности. Понятие «государственности» широко применяется, например, в работах исследователей-историков Б. Я. Владимирцева, В. В. Бартольда, А. Н. Кононова, особенно Л. Н. Гумилева, много писавших об истории кочевья. Применяя этот понятие, ученые исследуют, как правило, исторические механизмы появления и функционирования того или иного государственного органа, роль конкретного учреждения власти. Государственность, тем самым, в их работах выступает как предтеча государству, системе сложившейся власти, стоящей над обществом. Необходимо отметить, что в работах Л. Н. Гумилева и его предшественников вопрос о наличии или отсутствии государства у кочевников специально не ставился. Отсюда и широкое употребление ими понятия «государственность». При этом создается впечатление что, несмотря на словесное предпочтение, исследователями термина «государственность», реальность государства в кочевых условиях для них не ставилась под сомнение. «Государственность» и «государство» ими рассматривались как тождественные.

Третья позиция исходит из того, что в условиях кочевья исторически способна возникнуть специфическая разновидность государства, называемое кочевым. Согласно этой точке зрения, кочевые государства, постоянно сменяя друг друга, существовали в Евразии с середины I тыс. до н.э. до XVII века. Иногда они достигали размеров «мировой империи», объединяя

всю территорию Великой степи и соседние оседлые государства. Самым большим среди таких империй были Тюркский каганат (VI век) и Монгольская империя (XIII век). Некоторые казахстанские ученые склонны считать, что, например, еще до образования Казахского ханства в 1466 г. на территории Казахстана в XIII-XIV существовало первое кочевое государство «Ак-Орда».

Введение понятия «кочевое государство» заслуживает внимания. И основанием для такого мнения является проявляющаяся в таких условиях образования сущность государства. Последнее, как считают современные философы и юристы, выражается в волевой природе власти, имеющей место и в условиях кочевья, когда одна, определенная, меньшая часть людей навязывает свою волю другой, более многочисленной.

Вместе с тем, организационное оформление власти в условиях кочевья выступает в отличие от европейских стран специфическим, что может быть проиллюстрировано в признаках Казахского ханства как государства.

Прежде всего, верховная власть в условиях такого государства находится в руках хана, совмещающего в своем лице гражданскую, административную и военную власть, осуществляющего при этом верховные полномочия. В улусах и племенах эти же функции выполняют султаны и бии. К городской верхушке относились чиновники местной администрации — вазиры, вакилы, хакимы, даруга, мустауфи, назначавшиеся ханами и удельными правителями. Служащие более низкого ранга занимались сбором налогов, надзором за ирригационной системой, несли городскую полицейскую службу и т. д.

В целом развитый административный аппарат в Казахском ханстве отсутствовал. При хане был совет из улусных султанов и вождей кочевых племен. Ежегодно они собирались на курултай для решения общих вопросов жизни ханства, особенно военных, дипломатических, территориальных споров и т. п.

Проявлялось отсутствие ясно выраженной организации населения по территориальному признаку. Внутри каждого жуза отдельный род, аул перемещались в течение года по огромной, порой произвольно выбранной территории, делая в год переходы до тысячи километров. Одновременно с территориальной сохранилась родовая организация населения. Все это свидетельствовало о неразвитости, незавершенности процесса развития, формирования казахской государственности, так и не преодолевшей до конца родового принципа и не заменившей его окончательно территориальным, поскольку кочевое скотоводческое хозяйство и кочевой быт исключали в течении долгих столетий возможность

перехода к чисто территориальной системе организации населения.

Система государственного управления была основана на обычном праве (адат). Наряду с адатом действовали нормы мусульманского права. Нормы обычного права были кодифицированы и дополнены в конце XVII в. при хане Тауке в виде единого свода под названием «Жеты-Жаргы» (Семь установлений). Этот свод законов содержал нормы административного, уголовного, гражданского права, положения налогов, религиозных воззрениях и т. д. Определял порядок управления ханством, узаконивались различные сборы в пользу хана и биев, устанавливались наказания за совершенные преступления.

В целом, нормы обычного права были приспособлены для защиты собственности, охраны привилегий казахской знати.

В условиях Казахского ханства не было сложившейся стройной системы регулярности сбора налогов населения, которая, как известно, необходима для функционирования государственного аппарата.

Объяснялось это тем, что не было регулярной постоянной армии и разветвленного чиновничьего аппарата. Пожалуй, в качестве более или менее постоянного органа при хане работала лишь канцелярия — дуан, предназначавшаяся для ведения делопроизводства. Для содержания аппарата и немногочисленной ханской дружины в XV-XVI вв. ханы собирали такие виды налоговых платежей как бадж - пошлины и харадж - поземельный налог с оседлого населения. Кочевники платили в казну ушур в размере 5% от поголовья скота. Сбор налогов поручался местным властям, зачастую сумма и регулярность определялись самими биями и старшинами добровольно.

Таким образом, в период XIII-XVIII в. на территории Казахстана в прошлом существовало государство в виде Казахского ханства, с определенными специфическими особенностями.

Оно представляло собой раннефеодальную монахию со значительными остатками патриархального строя и характерными для условий кочевья особенностями. Специфическими также являлись отсутствие в кочевой степи ясно выраженной организации населения по территориальному признаку, наличие специфических условий хозяйствования, в котором важную роль играл кочевой цикл скотоводческого хозяйства, отсутствие сложного дифференцированного госаппарата, специфика налогового сбора и пр.

В сущности, можно утверждать, что с теми или иными конкретными вариациями отмеченные признаки кочевого государства проявлялись в истории ковыля любого региона: Тюркском каганате, Монгольской империи.

PHILOSOPHER'S VIEW ON KAZAKH STATE

Safar KOLDYBAYEV,

*Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy
at Kostanay State University named after A. Baitursynov*

Recently the issue of the Kazakh state's emergence has acquired a political tinge, rather than scientific one. Take for example the RF President's notorious statement made in mid September 2014 that denied Kazakhstan's existence as a state until the moment it gained political independence.

Unfortunately, as is commonly known, scientists have not arrived at an unambiguous opinion concerning existence of the Kazakh state until acquisition of political independence. In point of fact, the problem can be limited to a question whether Kazakhs had a state in their history or not. There several opinions of the scientists, concerning this matter.

The first position of the scientists consists in denial of possibility of existence of any state whatsoever in conditions of the nomadic society, and therefore absence of state in the Kazakhs' history.

Founding fathers of the classical German philosophy, Immanuel Kant and Friedrich Hegel, were initiators of the view that denied existence of a nomadic state. Having absolutized emergence of civilization and development of state system in Europe, they substantiated the possibility of the conquest and cultivation of wild Asia by civilized Europe.

The second position of researchers is based on the fact that during the nomadic period in history there appeared some bodies of power and control that confirmed the fact of state system emergence. The notion "state system" was widely used in the works of such researchers as B. Ya. Vladimirtsev, V. V. Bartold, A. N. Kononov, and especially L. N. Gumilev, and some others, who wrote a great number of works on the history of nomadism.

As a rule, the scientists studied historical mechanisms of emergence and functioning of some state body, the role of a certain institution.

L. N. Gumilev and his predecessors B. Ya. Vladimirtsev and V. V. Bartold did not raise a specific issue of presence of absence of state in nomads' history in their works; hence the widely applied notion "state system".

Historically, a specific form of state called nomadic, can be developed in conditions of nomadism. According to this point of view, nomadic states, that continuously succeeded each other, existed in Eurasia from the mid-first millennium B.C. until the seventeen century.

Sometimes they assumed the size of a world empire, uniting entire territory of the Great steppe and neighbouring settled states. The Turkic khaganate (VI A.D.) and the Mongol Empire (XIII A.D.) were the biggest empires among such states.

Institutionalization of power in the conditions of nomadism was quite specific, that can be illustrated by some specific features that were characteristic of the Kazakh khanate.

Above all else, in the conditions of such state supremacy belonged to the khan, who accumulated both civil, and administrative, and military power, and simultaneously held supreme authority. In uluses and tribes same functions were performed by sultans and biys.

Generally, the Kazakh khanate lacked a developed administrative apparatus. There was a council of ulus sultans and chieftains of the nomadic tribes under the khan. They gathered annually at a kurultay in order to solve general issues in the khanate life, especially military and diplomatic issues, and territorial disputes.

There was no organization by territorial principle in the khanate. Separate clans within every juz moved through vast, sometimes randomly chosen territories, covering thousands of kilometres a year. The khanate was characterized by presence of tribal organization. All of this demonstrated underdevelopment and incompleteness of the Kazakh state system formation, that never really outlived the tribal principle and did not replace it with the territorial one, as nomadic animal husbandry and way of life excluded possibility of transition to purely territorial social system during several centuries.

The system of state management was based on common law (adat). Rules of the Muslim law, which had been systematized and supplemented under khan Tauke in the form of a single code of laws titled "Zhety-Zhargy" (The seven rules).

The Kazakh khanate did not have a fully developed, coordinated system of collecting taxes from population that was required for functioning of the state apparatus. This might be due to the fact that there was no regular army and bureaucracy. To all appearances, diwan – the khan's council, was the only more or less regular body under khan.

In XV-XVI centuries khans collected various types of tax payments for maintaining apparatus and not numerous army.

Thus, there are certain reasons to assert that in the period between XV and XVIII the Kazakh khanate, characterized by some specific features, actually existed in the territory of Kazakhstan.

In essence, it may safely be said that with various modifications the aforementioned features of a nomadic state occurred in history of any nomadic formation, including the Turkic khaganate and the Mongol Empire.